

Э. УСПЕНСКИЙ

СТАРЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ

НА НОВЫЙ ЛАД

«МАЛЫШ»

Эдуард Успенский

**Старые русские сказки
на новый лад (сборник)**

«АСТ_Успенский»

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Успенский Э. Н.

Старые русские сказки на новый лад (сборник) /
Э. Н. Успенский — «АСТ_Yspenskii»,

ISBN 978-5-17-087339-5

Книга «Старые русские сказки на новый лад» Э. Успенского – это самые что ни на есть классические русские сказки про Финиста – Ясна сокола, Федота-стрельца, Кощея Бессмертного и Серого Волка. Сказки старые, а комментарии писателя – новые, понятные современным детям, у которых при чтении наверняка возникает много вопросов про быт и удивительные традиции и нравы наших предков. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-087339-5

© Успенский Э. Н.
© АСТ_Yspenskii

Содержание

От автора	6
Иван – царский сын и Серый волк	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эдуард Успенский

Старые русские сказки на новый лад

© Успенский Э. Н., 2016

© Муратова Е. Л., ил., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

От автора

Юные друзья! Обычно каждый читатель или слушатель заранее знает содержание сказки. Содержание, как правило, несложное. Однако, несмотря на свою незатейливость, сказки живут много лет. Даже много столетий.

Почему?

Потому, что сказки каждый раз рассказываются разными рассказчиками и по-разному.

Один рассказчик рассказывает сказку, выделяя весёлые эпизоды, другой нажимает на страшное, третий – на коварные измены и т. д.

Поэтому не удивляйтесь тому, что и я буду рассказывать каждую сказку по-своему.

Где-то я буду делать замечания по сюжету, где-то буду развивать эпизоды, где-то буду чрезмерно удивляться некоторым особо фантастическим местам.

Я делаю это для того, чтобы вам интереснее было читать. И если вам это покажется интересным, я буду рад. А если вы пойдёте в библиотеку, и возьмёте много-много сборников сказок, и будете читать их в подлиннике, я буду просто счастлив.

Иван – царский сын и Серый волк

В одном тридесятом царстве, в триодиннадцатом государстве жил-был царь. Впрочем, там и помимо царя жило народу полным-полно. В основном всё крестьянский люд.

А рабочих там (всяких пролетариев) не было. Иначе бы этому царю давно конец пришёл, свергли бы.

Звали царя по-разному. По одним источникам – Берендеем, по другим – Выславом, по третьим – Василием. А отчество у него было Андронович. И имел этот Берендей-Выслав-Василий (Анна-Мария-Гонсалес) Андронович трёх сыновей.

Младшего сынишку звали Иваном. Ростом этот сынишка был под два метра, а сил у него было столько, что он мог запросто лошадь на четвёртый этаж поднять. (Жаль, что там с этажами плохо было. Все дома были низенькие.)

Старшие братья и поздоровее были.

Например, средний сын Данила-царевич мог бы ударом кулака корову убить, если бы кто ему это позволил.

А старший сын Пётр-царевич однажды пытался кувалду на небо забросить. Кувалда вернулась – и прямо ему по голове. Другого бы убило, а ему хоть бы что. Только выросла у него на голове шишка с кулак, а через неделю прошла, как и не было.

Да и сам царь-папа Выслав-Берендей-Василий Андронович на здоровье не жаловался. Он за обедом половину быка съедал.

А всё почему? Потому, что у них в саду на одной яблоне яблоки росли оздоровительные. От этих целебных яблок к царской семье здоровье и шло. А сад, надо сказать, у царя был замечательный. И всякие деревья там росли дорогие с плодами и без плодов. И лимоны там росли, и ананасы заморские, и птицы порхали яркие. Говорят, что где-то в дальнем углу сада было растение в деревянной кадучке, на котором солёные огурцы росли.

Но всё-таки ничего ценнее, чем оздоровительные яблочки, не было.

Так всё и шло. Только однажды папа-царь пошёл в свой сад за яблочком, глядит, а яблок меньше стало.

Позвал он сыновей, и они стали думать.

– Это – наши, – говорит старший, Пётр. – Больше некому.

– Конечно, наши, – согласился Данила. – У нас народ известно какой. Только оставь что без присмотра.

А младший сын промолчал. Не хотел плохо о народе думать.

– А вот мы поглядим, – говорит папа-царь. – Как у нас в хозяйстве кто здороветь начнёт, сразу и поймём, кто яблочки тырит.

День прошёл. Другой. Никто не здоровеет – ни конюхи, ни повара, ни другая какая прислуга. Как были все дохленькие вполне, так и остались.

– Не наши, – решили братья и царь.

– А я что говорил? – сказал Иван-царевич. Хотя он ничего не говорил, а просто помалкивал.

– Раз не наши, значит, будем караулить, – решил царь-отец. – Сторожа поставим.

– Ага, – говорит недоверчивый сын Данила. – Вот сторож всё как раз и съест. У нас ведь как заведено: кто что сторожит, тот тем и торгует.

– М-да, – согласился папа. – Ну и народ в моём царстве! Жуликоватый какой! В кого бы это? Значит, Пётр, придётся тебе на дежурство заступать.

Пётр сразу на дыбы:

– И что это такое? Как что, сразу Пётр. Вон Данила какой вымахал. Пусть он и дежурит. Не буду я.

Данила хитрый был:

– Значит, не хочешь яблочки сторожить. На царский престол метишь?

– Это как? – спрашивает Пётр.

– А так, – говорит Данила. – Не будет яблочков, папаша помрут. Вот ты и на троне. А там новые яблочки поспеют.

Пётр испугался:

– Всё. Согласен. Иду сторожить. Давайте мне тулуп и саблю.

Иван-царевич говорит братьям:

– Да не ссорьтесь вы. Я могу караулить.

Братья про себя подумали: «Какой хитрый! В любимчики набивается!..»

И отказались.

Царские слуги выдали старшему сыну тулуп, саблю, яиц варёных, молока бутылку и хлеб. И он отправился сторожить.

Он решил:

– Буду караулить лёжа, чтобы не засвечиваться.

Он как пришёл, так сразу тулуп расстелил, бутылку молока под голову положил и смело начал караулить.

Так, не шелохнувшись, он смело караулил до самого утра. За всю ночь ни разу глаз не разомкнул. Ночью, в самый разгар его службы, сад вдруг осветился весь.

Чудо-птица прилетела. Перья золотые, глаза – как восточный хрусталь. Сама маленькая, а перьев много. И так она светится, будто внутри её десять свечей горит.

И прожорлива, как индюк. Немало яблок она пощипала и скрылась в ночном небе. Последнее яблоко в зубах унесла.

Утром Пётр встал, еле-еле бутылку с молоком от щеки отлепил.

И сам от тулупа еле-еле отлепился. Молоко за ночь пролилось и его к тулупу приклеило. Съел он варёные яйца и пошёл к царю с докладом:

– Свет наш царь-батюшка, всю ночь я глаз не смыкал. То есть наоборот, за всю ночь я ни разу глаз не сомкнул... И ветер меня хлестал, и дождь на меня лил. Видишь, я весь мокрый. Но я поста не покинул. Никакой человек не приходил, никакая птица не пролетала.

Царь Берендей-Василий со слугами в сад пошёл – видит, яблок помене стало. Царь удивился:

– Что же они, испаряются, что ли? Да хорошо ли ты, Пётр, караулил? Может, ты спал тут без просыпа? Пётр испугался:

– Что ты, батюшка-царь! Видишь, вон трава примята. В этом месте я и ходил всю ночь.

– Ну что ж! – сказал царь. – На первый раз поверим.

И велел царь Берендей-Василий-Выслав дальше яблоки сторожить.

– Значит, так, Данила, – молвил он. – В эту ночь ты яблоки охранять пойдёшь.

И ещё велел царь старшему писарю все яблоки пересчитать. Писарь полдня под яблоней ходил, яблоки пересчитывал. Насчитал их ровно девяносто штук.

И вот вечер наступил – средний сын Данила на дежурство собирается. Он не молока попросил, а вина крепкого – глаза протирать. Свиную лопатку – силы поддерживать. И дубинку побольше – воришек охаживать.

Едва он пришёл на дежурство, как в тулуп забрался. А через час к нему туда одна знакомая пришла из кухни – целоваться.

Выпили они вина крепкого. Данила лопаткой закусил, а знакомая Глафира к яблочкам потянулась.

– Ты что, – говорит Данила, – я же их сторожить пришёл. А не есть. Они же все сосчитаны.

– Ах, ты сторожить пришёл, – говорит знакомая из кухни. – Ну и сторожи! А я домой пошла, к батюшке.

Пытался он её задержать, а она ни в какую:

– Думаешь, если ты царский сын, тебе всё можно?

И ушла. И её плечики унеслись в ночную мглу. Расстроился Данила, выпил всё остальное вино. Завернулся в тулуп. И только его и видели.

Едва он уснул, опять птица прилетела. Перья золотые, глаза как восточный хрусталь.

Накинулась она на яблоки и добрый десяток слопала. Маленькая такая птичка, а прожорлива, как индюк. Не успеет она яблоко съесть, как его остатки с другой её стороны выкакивают.

Последнее яблоко она в зубах унесла. А всё-таки очень красивая птичка. Вся так и светится, будто в ней двадцать свечек горит.

Проснулся утром Данила, голова тяжёлая, как медный колокол.

И звенит так же. Посмотрел он на яблоню и сразу всё понял. Он бегом к старшему писарю, пока батюшка не проснулся.

– Эй, чернильная душа, сколько ты там вчера яблок насчитал?

– Девяносто, – говорит чернильная душа.

– Так вот, скажи батюшке, что было восемьдесят. А не то: моя дубинка – твоей головы половинка!

Писарь всё понял. И когда батюшка-царь пошёл в сад яблоки пересчитывать, он никаких хищений не обнаружил.

– Ладно, – он сказал. – Теперь, Иван, твой черёд идти.

А Иван-царевич и рад. Очень он хочет царю-батюшке угодить.

Под вечер писарь сызнава все яблоки пересчитал. Восемьдесят штук было ровно, как и вчера.

Вот уже вечер настал. Иван-царевич долго думал – кто же это яблоки крадёт. Он понимал, что братья его не очень-то старались.

Но если бы медведь в сад пришёл или коза какая, братья бы их, конечно, заметили.

– Значит, это птица! Да никто больше яблоки не ест у нас в государстве – только люди да птицы. Правда, свиньи тоже яблоки охотно едят. Но свиньи испокон веков по яблоням не лазили и летать не умели.

И решил Иван-царевич всю ночь на дереве провести. И ещё он большой сачок с собой взял для куриной ловли.

Ночь пришла, влез он на дерево и замер.

Сидеть неудобно, ветки его режут, листья щекочут, а он не шелохнётся. Так полночи просидел.

И дождался. Послышался свист и звон серебряный. Свет по саду разлился, и чудо-птица прилетела. Перья золотые, глаза – как восточный хрусталь.

Приготовился он, хотел её сачком зацепить... Да ноги и руки у него затекли – не пошевелить. Как каменные. Сачком он только по воздуху провёл. Сам с дерева упал. Едва успел он второй рукой птицу за хвост ухватить.

Закричала птица благим матом, как двести испуганных куриц одновременно, и скрылась в ночном небе. Одно только перо у него в руках и осталось. Зато перо красоты невиданной. Всеми цветами переливается. Читать при его свете можно, если ты грамотный.

Едва во дворце рассвело, Иван-царевич к батюшке отправился.

– Вот, смотри, батюшка, какую я птицу чуть не поймал. Сама с вершок. А света даёт мешок.

И перо отцу показывает. Братья ему не верят. Данила говорит:

– Да разве ж это свет от него, от пера этого? Это свет от солнца идёт. А на солнце и куриное перо светится.

– Это перо павлинье, – говорит старший, Пётр. – У нас их на базаре турки по десять штук на рубль продают.

– А давайте зайдём в чулан, – молвит Иван-царевич. – Там всё и увидим.

Забрались царь и царевичи в чулан всей семьёй. И вправду невиданный свет от пера идёт. Даже читать при таком свете можно. Если кто читать обучен.

Но братья и тут нашли что сказать.

– Эх, везёт дураку! – говорит Пётр. – Да если бы такая птица в моё дежурство прилетела, я бы её не упустил.

– А я бы и пару таких поймал, – хвалился Данила. – Только вот не нам, а дуракам счастье.

Царь-папа их одёрнул:

– Нечего на брата дуться, коли птицу прозевали. Вот я ещё узнаю, что вы там ночью в саду делали. Не иначе как дрыхли всю ночь. А сейчас из себя героев корчите.

Он вставил это перо в оправу золочёную и поставил в своём кабинете как самую дорогую вещь. И всё время ею любовался, особенно по вечерам, когда перо светиться начинало.

Но вот пришло время, царь Выслав-Берендей опять своих детей беспокоит. Вызвал он к себе Петра и Данилу и говорит:

– Дети мои любезные! Вот вам задание. Поезжайте вы во все четыре стороны и привезите мне эту птицу живую! Кто мне эту птицу привезёт, тому при жизни полцарства своего отдам.

Им бы, дуракам, обрадоваться да скорее в путь. А они на Ивана-царевича злобу затаили. Ведь им хорошо жилось. Всё у них было. Тут тебе и кухня вкусная, и народ интересный при кухне. И кони у них хорошие, добрые. И соколы охотничьи.

Так нет, теперь надевай доспехи военные, садись на коня боевого костлявого и скачи неизвестно куда, ешь неизвестно что (картошку варёную без масла), спи неизвестно где (в чистом поле без одеяла) и без птицы этой дребезжащей к царю-папе не возвращайся (отец тебя неспособным сочтёт и ни за что тебе трон не отдаст).

Но делать нечего, взяли они у отца благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А как быть? Время было старинное, тяжёлое для детей. Что родители повелят, то и будешь делать. А не то враз без вкусной еды и без крыши над головой останешься. Вытолкает тебя любимый царь-папа взашей из дворца, и пойдёшь ты в соседнее царство бедствовать да улицы подметать. Да, было ВРЕМЯ в это ВРЕМЯ!

Но если эти двое ехать не хотели, то Иван-царевич сам стал напрашиваться:

– Пустите меня, царь-батюшка-родитель, своего счастья попытать. Дай мне твоё благословение.

А царь-батюшка-родитель не соглашался. Он так молвил:

– Нет уж. Ты ещё молод и к дальнему пути непривычен. Ещё я тебе скажу, что ты своих братьев в два раза умнее будешь. Что от них проку? Им бы только есть поболее, да на жеребцах скакать, да на девок глаза свои пялить. А как война, а я заболею? А если бунт в моём царстве сделается? Кто меня заменит?

Потом он нагнулся к Ивану-царевичу и говорит:

– Ты знаешь, Ванюша, мне как-то спокойнее без них.

Да только Иван-царевич на своём стоял:

– Пусти меня, батюшка, силу мою проверить молодецкую. Характер свой закалить юношеский.

Царь-папа ещё сильнее уговаривал его никуда не ехать:

– А если я помру вдруг, кто будет царством управлять? А если неприятель под наши области подступит, а командовать войсками будет некому? А если несогласие будет между нашим народом?

Только никак он не умел удержать Ивана-царевича. Иван-царевич так молвил:

– Пока, царь-папа-батюшка, у тебя есть яблоки оздоровительные, тебе бояться нечего. А как я тебе птицу добуду, ты вообще расцветать начнёшь и молодеть.

Убедил он царя-батюшку-папу. Уж больно царь Берендей-Василий-Выслав Андронович хотел этой птицей владеть. И не очень-то он верил, что Пётр-царевич и Данила-царевич сумеют сию птицу достать.

Иван-царевич взял у родителя благословение, выбрал себе коня покрепче, сухарями запасся, и в путь. На всякий случай захватил он три яблока оздоровительных:

– Дорога трудная. Не понадобятся – я их обратно привезу.

Сел он на коня и поехал. И ехал, сам не зная, куда едет.

Ехал он, ехал, ехал. Ехал, ехал, ехал. Ехал, ехал, ехал. Ехал, ехал, ехал. Иногда скакал. А всё больше ехал, ехал, ехал. Ехал, ехал, ехал. И уж даже не знал, где он – в своём ли царстве или в чужое заехал.

Ведь тогда границы не означены были. И ненароком, того вовсе не желая, можно было из триодиннадцатого в тридвенадцатое царство попасть, а ещё хуже того – в тритринадцатое. А кто там командует, в этом тритринадцатом царстве, и что там с чужеземцами делают – один Бог ведаёт.

Только видит он – в чистом поле стоит столб. А на столбу написаны слова:

Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден.

Кто поедет от столба в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мёртв.

Кто поедет от столба сего в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется.

– «Ничего себе условия игры! – подумал Иван-царевич. Куда ни кинь, всюду клин. Впору от столба сего в обратную сторону ехать». И так он решил:

– Поеду-ка я в правую сторону. Хоть коня потеряю, зато жив останусь. А сам жив останусь, даст бог, другого коня заведу.

Конечно, это говорило о его неправильном отношении к животным, но другого выхода у него (на его взгляд) не было.

И поехал он в правую сторону. Ехал, ехал, ехал, ехал... два дня ехал. Кругом поля, леса разные. Деревеньки иногда маленькие с церквушечками... В общем, ничего интересного. Так, ежедневщина.

Зато на третий день сразу интересно стало.

На третий день вышел ему навстречу большой-пребольшой Серый Волк. Такой большой, что больше и не бывает. Размером с тигра. Ивана нашего, царевича, даже пот прошиб.

Этот тигро-волк говорит таким грубым голосом:

– Ты что, младой юноша Иван-царевич, не читал, что на столбе написано?!

Иван-царевич так испугался, что с коня упал. Он и не подозревал, что на свете говорящие волки живут такого размера.

Тигро-волк подошёл к его коню, разорвал его надвое и пошёл прочь.

(По другим сведениям всё не так было. По другим сведениям Иван-царевич устал, слез с коня, спутал его, а сам спать лёг. А как проснулся – смотрит, нет коня, а вокруг лежат кости одни обглоданные. За ночь кто-то коня съел... слопал.)

Заплакал тут (в обоих случаях) Иван-царевич:

– Как же мне жить теперь без верного друга? Конь, мой конь, конь воронь, зачем ты меня покинул? Конь, мой конь, конь воронь, на кого же ты меня оставил!

Очень он сильно сокрушался и плакал. Он шёл пешком и всё плакал. Целый день он шёл и целый день плакал.

И вдруг его нагнал серый тигро-волк. Он сказал:

– Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пешком идёшь. До того мне жаль, что я твоего коня заел! Добро! Садись на меня, на Серого Волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич рассказал, куда и зачем послал его родной батюшка. Серый Волк выслушал и засмеялся даже:

– Повезло тебе, Иван-царевич, что я твоего коня съел. Да на своём коне ты туда и в три года бы не доехал. Я один знаю, где жар-птица живёт. Держись за меня крепче.

И помчался он пуще коня.

Иван-царевич подумал даже: «Хорошо бы этот тигро-конь (Серый Волк) у меня навсегда остался. И поговорить с ним можно. И бегают он быстро. И загрызёт он в один момент кого следует. Одна беда – кормить его дорого. Ему ж в день не меньше коровы давать надобно».

Ехали они, ехали... (впрочем, ехал-то один Иван-царевич, Серый Волк всё больше вёз) и как раз ночью подъехали к каменной стене. Серый Волк остановился и сказал:

– Ну, Иван-царевич, слезай ты с меня, с Серого Волка, и полезай через эту каменную стену.

– И что там? – спросил Иван-царевич.

– Там за стеною сад. В том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай. Ежели клетку возьмёшь, тебе оттуда не уйти ни за что. Тебя враз поймают.

Удивительный волк попался Ивану-царевичу, всё-то он знал.

И Иван-царевич пошёл на это дело. Перелез он через стену, видит – перед ним и вправду сад. Красивый, как в сказке. Деревья разные диковинные и неизвестные растут, и ни одной тебе там ёлки или осины. Птицы всякого калибра (очевидно, колибри) летают цветные. И тишина. В саду клетка золотая стоит на земле. В клетке птица-жар сидит. Тихонько так бренчит и вся светится. И народу вокруг – никого, пусто. Хоть бы дохленький какой сторожишка стоял.

И подумал Иван-царевич: «А чего церемониться-чикаться? Возьму-ка я её вместе с клеткой. И кусать она меня за руку не будет. И кричать, как двести бешеных куриц, как тогда в саду, не станет. И транспортировать её легче. Вона сад-то – совсем пустой!»

Как решил, так и сделал. Но как только взял он клетку, шум и гром пошёл по всему саду чудовищный. Ибо к этой клетке струны были приведены особые. (Что там крик двухсот испуганных куриц! Шум был, как от тысячи наковален!) Караульные тотчас же проснулись, прибежали в сад и поймали Ивана-царевича.

Сначала они накостыляли ему как следует, а потом его, накостыленного, к своему царю привели. (Царя этого, по одним источникам, звали Долматом, по другим – Афроном.)

Царь Долмат-Афрон как увидел Ивана-царевича, так с ходу и закричал:

– Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать? И одет ты вроде прилично, и вид у тебя не голодающий. Может, ты даже из хорошей семьи. Давай рассказывай, кто ты будешь такой? И откуда?

Иван-царевич запираться не стал:

– Я буду Иван-царевич, сын царя Выслава (Берендея-Василия) Андроновича. Приехал я из тридесятого царства. Я вроде как в командировке. Меня царь-папа-батюшка за птицей послал.

Потом он осмелел и молвил:

– А чего она сама к нам прилетала яблоки воровать? Чуть дерево оздоровительное не испортила. Вот и велел мне царь-батюшка Берендей эту птицу добыть.

На что ему царь Долмат-Афрон отвечал:

– Что с неё взять, она – птица глупая, всё равно что курица. А ты же ведь – царевич, не простой мужик. И если бы ты добром ко мне пришёл да всю правду рассказал, я бы тебе эту птицу честию отдал. Так ведь нет, ты же на кражу пошёл.

Он посмотрел, как его слова воспитательно на царевича действовали, и дальше молвил:

– Вот ты подумай своей царевичевой башкой: хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моём государстве нечестно поступил?!

Иван-царевич подумал своей царевичевой башкой и отвечал:

– Нехорошо.

Но всё-таки он на своём стоял:

– А чего она сама к нам прилетала яблоки воровать?!

Царь Долмат (Афрон) больше спорить не стал.

– Тогда так, – молвил он, – у меня есть к тебе предложение. Если сослужишь мне службу, съездишь за триодиннадцать земель в тридвенадцатое государство царя Кусмана, достанешь мне коня златогривого, я тебе и вину прощу, и жар-птицу отдам.

Иван-царевич пригорюнился, голову ниже пояса повесил.

– Чего это ты закручинился? – спрашивает его царь Афрон-Долмат. – Что тебя смущает?

– Больно имя нехорошее!

– Как хочешь, – сказал ему царь-Долмат-Афрон. – Только если ты мне коня от царя Кусмана не добудешь, я во все государства дам знать, что ты – нечестный вор. (Как будто воры честные бывают.) Пришлось царевичу согласиться. Пошёл он к своему Серому Волку. Пришёл весь в синяках, бока болят. И всё ему рассказал.

Волк, конечно, не обрадовался. Он плюнул даже:

– Ну что я тебе говорил! Для чего ты слова моего не слушался и золотую клетку взял? Ты что, совсем? А ещё царевич!

– Виноват я перед тобой, – сокрушается Иван-царевич. – Кругом виноват. Ты мне столько хорошего сделал.

И так закручинился Иван-царевич, что Волку даже жалко его стало:

– Добро, быть так! – молвил он. – Садись на меня, на Серого Волка. Я тебя свезу, куда тебе надобно.

Хотел Иван-царевич ему на спину влезть, да никак. Бока болят, руки не слушаются. (В результате караульного накомыливания.)

И тут он про оздоровительное яблоко вспомнил. Достал он яблочко, съел его, и сразу и бока прошли, и синяки исчезли, и снова он сделался как новенький.

Сел Иван-царевич Серому Волку на спину, и помчался тигро-волк, аки стрела из лука.

Если бы, к примеру, в одно время и лучник стрелой выстрелил, и Серый Волк помчался, то стрела рядом бы летела. И Иван-царевич мог бы стрелу рукой трогать.

Долго ли бежали они, коротко ли, никто не знает. Только прибежали они наконец в царство царя Кусмана.

Царство как царство – кругом деревушечки да церквушечки, да дворец в середине (других царств тогда не было), и погода вокруг отличная – жёлтое солнце и урожай зреют: яблоки там, картошка...

(Впрочем, тпру! Насчёт картошки ошибочка вышла. Тогда ещё картошку из Америки не внедрили, так что скажем сызнава...)

...яблоки там, репа...

Серый Волк и здесь про все порядки знал. Он дождался ночи и молвил Ивану-царевичу:

– Видишь там, за дубами, конюшни белокаменные? Ступай туда. Теперь караульные конюхи все крепко спят, и бери ты коня златогривого. Понял?

Иван-царевич головой кивает – мол, понял, как не понять. Волк продолжает:

– Только там на стене висит золотая узда. Ты не бери её, а то худо тебе будет. Ясно?

– Чего же тут неясного? Всё проще пареной репы – коня бери, узду не трогай, коня бери, узду не трогай – и дурак поймёт.

И пошёл Иван-царевич на это дело.

Вступил он в белокаменные конюшни из чистого белого камня. В конюшнях тишина. Только сильный храп слышен – конюхи спят, и кони ногами топают. Конюшня длинная, светлая, и коней в ней много. И вороные, и гнедые, и пегие. И все – скакуны! Но самый красавец, конечно, – конь златогривый. От его гривы так свет и льётся по всей конюшне. За версту этого коня видно.

Взял Иван-царевич этого коня и пошёл было назад.

Но увидел на стене золотую узду и так на неё прельстился, что решил снять её с гвоздя. Он так подумал: «Авось не загремит, если её брать аккуратненько! Это Серый Волк перестраховывается».

Только он за узду схватился, она возьми и загреми! Да на весь царский дворец! К ней для такого дела струны были приведены.

Гром стоял, как от двух тысяч наковален!

Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали (опять же как следует ему врезали) и повели к царю Кусману.

Стоит он перед царём врезанный, голова опущена, вид помятый. А царь Кусман спрашивает:

– Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

– Я сам из царства царя Выслава, сын царя Выслава (Берендея-Василия) Андроновича. А зовут меня Иваном-царевичем. А конь златогривый мне позарез нужен, чтобы его на птицу сменять, которая у нас яблоки воровала.

– Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! – сказал ему на это царь Кусман. – Хорошее ли это дело, которое ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, рассказал бы всё. Я бы тебе коня златогривого с честью бы отдал... может быть.

Иван-царевич голову опустил, молчит.

– А теперь хорошо ли тебе будет, – говорил царь Кусман, – когда я разошлю во все государства объявить, какой ты нечестный вор?

Иван-царевич признался, что плохо ему будет. Чего же тут хорошего? А про себя он подумал: «Мне ещё и от батюшки влетит, что я такой неуклюжий. А что я Серому Волку скажу? Ох, плохое дело я сделал! То есть плохо я это дело сделал».

А царь Кусман дальше говорил:

– Однако, слушай, Иван-царевич, ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за три-четыренадцать земель в трипятнадцатое государство к царю Куприяну и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно душою и сердцем влюбился, то я тебе эту вину прощу. И коня златогривого отдам.

(Каков царь Кусман?! Сам Ивана-царевича за воровство мучает и сам же на новое воровство направляет!)

– А ежели этой службы не сослужишь, то я во все государства пропишу всё, как ты в моём государстве воровством отличился.

Что делать? Пообещал Иван-царевич царю Кусману королевну Елену Прекрасную достать. Заплакал он и к Серому Волку, хромая, отправился.

Вышел за ворота, одна радость – погода хорошая. Лето уже ушло, а осень ещё не наступила. Листья с деревьев попадали, трава вся жёлтая, но тепло.

Пришёл он к Серому Волку и всё ему честно рассказал. Серый Волк тут даже возмутился:

– И на кой чёрт я с тобою связался, зачем я твоего коня разодрал? Царевич-то ты совсем бестолковый!

Ничего не ответил на это Иван-царевич, а только опять заплакал. (Какой-то он уж слишком слезливый был.) Серый Волк его опять пожалел:

– Для чего ты, царевич, слова моего не слушался и золотую узду взял? Снова мне тебя выручать придётся. А у меня и своих дел хватает.

Царевич одно только молвит:

– Прости меня. Серый Волк. Прости меня, Серый Волк. Жадность меня, царевича, сгубила. Столько ты для меня сделал!

– Ладно, – сказал Серый Волк, – садись на меня, на Серого Волка. Я тебя свезу куда надобно.

Хотел было Иван-царевич сесть на Серого Волка, да не тут-то было. Бока у него болят, руки не слушаются.

Пришлось второе оздоровительное яблоко в ход пустить. Съел он его – и в момент поправился. Всю хворь и треск в голове и всё «врезание караульное» как рукой сняло.

Иван-царевич вскочил на Серого Волка, и помчались они по осенней природе в царство царя Куприяна.

Скоро бежал Серый Волк – что твоя стрела, летящая без остановок. И наконец прибежал он в царство царя Куприяна, к самому его дворцу.

Дворец стоял на холме и весь так и сверкал хрустальными окнами. При дворце был сад. А сад окружала золотая решётка. Серый Волк сказал Ивану-царевичу:

– Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, Серого Волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы пришли. И ожидай меня в чистом поле под зелёным дубом. Я буду царевну добывать.

– А может быть, всё-таки я? – попросил Иван-царевич. – Я теперь много умнее стал.

– Это тебе так кажется, – молвил ему Волк. – Боюсь я, что вместо королевны Елены Прекрасной ты мне старую няньку притащишь, а то и самого царя Куприяна! Дело сложное. Я сам на это дело пойду.

Иван-царевич отправился, куда его послали. Серый же Волк сел близ той золотой решётки и стал дожидаться, когда Елена Прекрасная выйдет в сад прогуляться.

К вечеру солнышко стало опускаться к западу. Не так тепло стало. Елена Прекрасная вышла в сад со своими нянюшками и придворными боярами прогуляться и воздухом подышать. Они как мухи вокруг королевны суеились:

– Не хотите ли кваску, ваше величество? А то, может, котлетку? А то давайте будем хороводы водить.

Вдруг Серый Волк (да какой там волк – чистый тигр) через решётку перескочил, ухватил Елену Прекрасную и обратно из сада выскочил. И побежал с нею что есть мочи, держа её в зубах.

Нянюшки и придворные бояре так испугались, что рта раскрыть не могли, на землю попадали. А когда они очухались, визг и крик аж до самого неба подняли. Ан было уже поздно – Серый Волк к зелёному дубу подбегал! Под которым труженик Иван-царевич его дожидался.

– Иван-царевич, – кричит Волк, – садись скорее на меня, на Серого Волка, погоня за нами!

Сел Иван-царевич на Серого Волка, посадил рядом краденую царевну Елену Прекрасную, и помчались они быстрее ветра. Но не такого ветра, который всё на своём пути сметает, а такого, который дует не очень усиленно. Потому что держать на спине Ивана-царевича и Елену Прекрасную и скакать быстро даже сильный тигро-волк не очень-то в состоянии.

Но сколько гонцы ни гнались за ними, догнать всё равно не смогли. И воротились назад.

Ох, вроде теперь всё хорошо! Отдавай царевну Елену Прекрасную за коня царю Кусману. Коня златогривого отдавай за красавицу жар-птицу царю Афрону. И скачи себе к царю-папе-бабушке Берендею-Выславу за похвалами и наградами.

Но дело вдруг осложнилось. Иван-царевич, сидя на Сером Волке с королевной Еленой в обнимку, влюбился в неё со страшной силою.

И когда Серый Волк прибежал в государство царя Кусмана и Ивану-царевичу надо было отдавать Елену Прекрасную, как договаривались, царевич заплакал. Ну, просто зарыдал навзрыд.

– И что ты всё время плачешь? – рассердился Серый Волк. – Не царевич, а царевна Несмеяна какая-то!

На то ему Иван-царевич отвечал:

– Друг мой, Серый Волк! Как мне, добру молодцу, не плакать, не кручиниться? Я всем сердцем полюбил королевну Елену, а теперь должен отдать её за коня златогривого. Нужен мне этот конь!

– Так и не отдавай, – молвил Серый Волк.

– А как не отдам, царь Кусман обесчестит меня во всех государствах. Пошто я его коня златогривого пытался угнать!

И Серый Волк сказал вот что:

– Ладно. Служил я тебе много, Иван-царевич, и ещё сослужу. Слушай. Я сделаюсь прекрасной королевной Еленой, и ты отведи меня к царю Кусману. И возьми коня златогривого. Понял?

– Понял, как не понять, – отвечал Иван-царевич.

– И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Кусмана в чистое поле погулять. И как он меня отпустит в чистое поле с мамушками, нянюшками, ты про меня вспомни – и я опять у тебя буду.

Серый Волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю – и стал прекрасною королевною Еленой. Так что и узнать нельзя, что это не она была.

Стоят две королевны, одна другой краше. Иван-царевич даже растерялся: какую Елену оставлять, а какую – на коня обменивать.

Кое-как он разобрался, кого сдавать, взял Елену Прекрасную номер два и пошёл во дворец к царю Кусману. А Прекрасной Елене номер один он велел его за городом дожидаться под зелёным дубом.

Он знал, что никуда она не уйдёт. Во-первых, идти было некуда, а во-вторых, она тоже полюбила Ивана-царевича, пока вместе с ним в обнимку ехала.

Царь Кусман вельми¹ обрадовался в сердце своём, как увидел Прекрасную Елену (номер два).

– Вот сокровище, которого я давно желал!!!

(Ничего себе сокровище – волк в овечьей шкуре!)

Он обнял Ивана-царевича как родного и сказал:

– Ай да Иван-царевич, а я в твою толковость и в твою честность уже и верить перестал. А теперь вижу, каков молодец. Видно, я тебя недооценил.

(Это уж точно! Недооценил он Ивана-царевича. Но ничего, скоро дооценит! Немного ждать осталось.)

Он отдал Ивану-царевичу коня златогривого и стал к свадьбе готовиться.

(Вообще-то ему надо было бы для начала спросить, а согласна ли королевна Елена Прекрасная на свадьбу? Но в те времена ни Елен, ни Катерин, ни Марусь, ни Фёкл всяких ни о чём не спрашивали. Делай, как родители или цари говорят. И всё тут.)

Иван-царевич коня за золотую узду ухватил и скорее из города отправился.

Доскакал он до зелёного дуба, подхватил Елену Прекрасную на седло и к своему царству помчался, только пыль столбом.

Отъехал он много, вёрст двести, наверное, и стал о Волке вспоминать:

– Где там мой верный товарищ тамбовский Серый Волк? Где там мой Серый товарищ тамбовский, верный Волк?

Как раз в это время царь Кусман задумал с Прекрасной Еленой целоваться.

Только-только он руки развёл, и губы приготовил, и глаза от счастья закрыл – его невеста вдруг лохматой стала на ощупь, как медвежья шкура. И зубищи у неё появились – каждый с лапоть среднего размера. И зарычала она страшным голосом:

– Ры-ры-ры!

¹ Вельмий (церк.) – весьма, сильно, очень, чрезвычайно. (Прим. ред.)

Бедный царь Кусман закричал от страха и в обморок грохнулся. Еле-еле откачали его. И жениться с тех пор он ни на ком не хотел, сколько его ни уговаривали.

А перед Иваном-царевичем вдруг ниоткуда Серый Волк появился. Стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему:

– Садись, Иван-царевич, на меня, на Серого Волка. А прекрасная королева пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на Серого Волка, и поехали они в царство царя Долмата (он же царь Афрон).

Долго ли, коротко ехали и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить Серого Волка:

– Слушай, друг ты мой любезный, Серый Волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю.оборотись ты конём златогривым наместо коня моего. Потому что расстаться мне с ним ну никаких сил нет. Если можно, а?

Серый Волк несколько удивился его повышенной скромности и его такому желанию и сказал:

– Ты, Иван-царевич, столько себе в обе руки забираешь, что и удержать будет трудно.

На что Иван-царевич отвечал:

– Удержать не добывать. Удержать впятеро можно против того, что добыть надобно!

Серый Волк возникать и спорить не стал. Ударился он вдруг о сыру землю и стал конём златогривым.

Иван-царевич оставил Елену Прекрасную на зелёном лугу (скорее, на жёлтом, осень ведь на дворе), сел на Серого Волка златогривого и поехал во дворец к царю Долмату-Афрону. А настоящий конь на лугу пастись остался.

Дальше всё как по нотам пошло. Царь Долмат обрадовался, обнял Ивана-царевича и похвалил:

– Ой ты гой еси, добрый юноша, угодил ты мне, старику!

(Хотя какой там старик, сорока ещё нет! Только в то время люди, которым под сорок было, за стариков почитались.)

– А я было тебя за совсем бестолкового держал! Ох, не дооценивал я твои способности! (Что верно, то верно, скоро он ещё оценит Ивана-царевича и его способности!)

Он вручил Ивану-царевичу клетку с жар-птицей, продуктов дал для птицы на дорогу, а сам отправился коня златогривого объезжать.

Иван-царевич клетку подхватил и даже обедать не остался. Скорым шагом пошёл он к зелёному лугу, где его верный конь дожидался и королева Елена Прекрасная.

Царь Долмат тем временем к своему коню златогривому подошёл, стал его травой угощать и сеном. Только конь почему-то и траву и сено выплёвывает. Еле-еле он кусок хлеба с солью сжевал. И то незаметно выплюнул. Сел царь Долмат-Афрон на коня и скомандовал:

– Вперёд, мой конь! – и шпорами его.

А Серый Волк отродясь шпор и хлыстов не любил. И как его разъярили, он сбросил с себя царя Долмата, зарычал звериным рыком, оборотился Серым Волком и одним прыжком через забор перелетел.

Хорошо, что не съел никого.

Говорят, что царь Долмат с тех пор слегка заикаться начал. И куда-либо в гости только в каретах ездил.

Иван-царевич и Елена Прекрасная были счастливы. Они к дому ехали. Иван-царевич на Сером Волке, Елена Прекрасная на златогривом коне.

Как скоро довёз Серый Волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня из конюшен царя-папы разорвал, он остановился и сказал:

– Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно. Вот на сём месте разорвал я твоего коня надвое, сюда тебя и доставил. Слезай с меня, поезжай, куда тебе надобно, я тебе больше не слуга.

Сказал это Серый Волк и побежал в сторону, по-деловому, без всяких там объятий и поцелуев.

Иван-царевич заплакал горько, но коротко, в последний раз по Серому Волку:

– На кого ж ты меня покинул, друг мой? Как же я теперь без тебя жить буду самостоятельно? – И поехал в путь со своей прекрасною королевой.

Не доехав до своего государства за двадцать вёрст, остановился он, слез с коня и вместе с прекрасною королевой лёг отдохнуть от долгой дороги под деревом.

Коня златогривого он привязал к тому же дереву, а клетку с птицей поставил подле себя. Солнышко греет, ветерок шуршит листочками, чудо-птица перьями позванивает – хорошо!

Лежа на мягкой траве и ведя разговоры любовные, они крепко уснули. А зря!

В то самое время братишки его Пётр и Данила-царевичи без всякой радости домой возвращались. Промотались они по всем тридесатым и тридцатым царствам, намучились, наголодались и никакой тебе птицы не встретили.

Едут они – один злее другого. Ясно, что папуля-царь их не похвалит, а то и вовсе из дома выставит дальние границы охранять.

И нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича. Увидели они и коня златогривого, и Елену Прекрасную, и эту проклятую жар-птицу в золотой клетке, которая им столько хлопот принесла. И весьма они на них прельстились. И вздумали своего брата Ивана-царевича убить до смерти.

Иван-царевич и сам был не подарок в смысле честности и благородства... А уж эти братья снаружи были царевичи, а внутри – негодяи настоящие злобные. Просто-таки разбойники. Данила-царевич вынул из ножен меч свой, быстро заколол Ивана-царевича, как барана, и разрубил его на несколько частей, для надёжности. Чтобы всё убедительней выглядело. Потом разбудил Елену Прекрасную и спрашивает:

– Прекрасная девица! Которого ты государства и какого отца дочь? И как тебя по имени зовут?

Прекрасная королева Елена испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила:

– Я королева Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы б тогда были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле сражаться. А вы убили сонного. Вы понимаете, чего вы заслуживаете?

Конечно, они понимали. Они хоть были и слабомозглые царевичи, а опасность свою сразу чувляли. Тогда Данила-царевич (какой он, к чёрту, царевич)... Тогда этот Данила приставил свой меч к её сердцу и сказал ей:

– Теперь ты в наших руках. Мы повезём тебя к нашему батюшке-царю Берендею Андроновичу, и ты скажи, что мы и тебя достали, и коня златогривого, и жар-птицу. Ежели не скажешь, сейчас тебя смерти предадим.

Прекрасная королева Елена, испугавшись смерти, обещалась им святою клятвой, что даст все показания, как было ей велено.

Тогда братья-разбойники стали жребий метать – кому что достанется. Кому конь золотогривый, кому прекрасная королева Елена.

Королева Даниле досталась, а конь – Петру-царевичу. (Придётся их всё-таки царевичами звать. Ведь они как-никак есть сыновья царские.)

И взяли они жар-птицу в золотой клетке и, радостные, распевая песни, домой поехали.

Дальше всё вот как происходило. Иван-царевич лежал мёртв на этом месте ровно тридцать дней. И в то время набежал на него Серый Волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему по старой памяти – оживить, да не знал, как это сделать.

И увидел Серый Волк одного ворона и двух воронят, которые летали над царевичем и хотели спуститься на землю и наестся мяса человеческого.

Серый Волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста и схватил воронёнка. Серый Волк сделал вид, что хочет разорвать его надвое. Тогда старый ворон спустился на землю, сел поодаль от Волка и сказал ему:

– Не трогай моего младшего детища. Ведь он тебе ничего не сделал.

– Слушай, Ворон-воронёвич! – молвил Серый Волк. – Я твоего детища не трону, когда ты мне сослужишь службу. Полетишь за тридевять земель и принесёшь мне мёртвой и живой воды. Знаешь такую?

Ворон-воронович знал. Не зря он жил на земле уже триста лет и ещё двести. Он сказал Волку:

– Я тебе сослужу службу. Только не трогай моего младшего.

Серый Волк стал ожидать. Ждал он два дня. На третий день ворон прилетел и принёс с собой два пузырька. В одном – живая вода. В другом – мёртвая.

– Вот, принёс, что обещал, – сказал ворон.

Серый Волк взял воронёнка и, к ужасу вороны, разорвал его надвое. Потом sprыснул его мёртвой водой, и тот воронёнок сросся.

Серый Волк sprыснул его живой водой – воронёнок востепенулся и полетел. И понял Серый Волк, что вода настоящая. А Ворон-воронович за это время седым стал.

Потом Серый Волк sprыснул Ивана-царевича мёртвой водой, и его тело срослось, только шрамы небольшие получились. Sprыснул живой водой – Иван-царевич встал и промолвил:

– Ах, куды как я долго спал!

На то сказал ему Серый Волк:

– Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я. Ведь тебя братья твои изрубили и коня твоего забрали златогривого, и Елену Прекрасную, и жар-птицу.

Потом Серый Волк подумал и добавил:

– Ты и сам-то не больно правильный, а братья твои совсем негодяи. Теперь поспедай как можно скорее в своё отечество – брат твой Данила-царевич женится сегодня на твоей невесте – прекрасной королевне Елене.

Опять Иван-царевич взмолился:

– Серый Волк, да как же я поспешать буду? И руки и ноги у меня только что сросшиеся так и гудят. Колени подгибаются. Мне не то что поспешать, шаг сделать больно.

– Садись на меня, – говорит тогда Серый Волк, – я тебя на себе донесу.

Долго ли, коротко бежал Серый Волк, только прибежал он наконец ко дворцу царя Берендея-Выслава-Василия.

Стража, которую Данила-царевич выставил, хотела было не пускать его. Только как этого тигро-волка не пустить?

Если он коня Ивана-царевича зараз разорвал надвое, то уж простого стражника царского не то что разорвать, проглотить мог в одночасье.

Он только рыкнул слегка, как вся царская стража наземь попадала. Так, верхом на Сером Волке, Иван-царевич в палаты царские и въехал.

А брат его Данила-царевич только что из-под венца с Еленой Прекрасной вернулся, за столы сел. И все гости сели.

Как скоро Елена Прекрасная увидела Ивана-царевича, выскочила она из-за стола и начала целовать его в уста сахарные. И Волка начала целовать в уста усаые. И закричала:

– Вот мой любезный жених Иван-царевич, а не тот злодей, что за столом сидит!

Братья побледнели. Стали кричать, что всё это неправда. Особенно Пётр старался, он поглупее был.

А царь их батюшка стал Елену Прекрасную расспрашивать, что правда, а что неправда есть.

Она всё ему и рассказала. Как Иван-царевич добыл её. Как добыл коня златогривого и жар-птицу. Как старшие братья убили его сонного до смерти и как страшили её, чтоб она правды не говорила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.